

— Светлана Ефимовна, чем можно объяснить то странное обстоятельство, что подготовленную музеем к юбилею выставку мы пока не увидим?

— Это «странное обстоятельство» знакомо нам по событиям трехлетней давности. Тогда здесь, на Лубянке, готовилась новая экспозиция, и гневные окрики раздались с разных этажей партийной власти, со стороны «критиков вроде Ермилова», музейных специалистов. От нас требовали зловать, заменить, сделать все заново. Но для этого пришлось бы провести еще одну реконструкцию здания — настолько органично идея экспозиции, ее художественное решение связаны с архитектурой. Перестраивать четыре этажа в самом центре Москвы, конечно, не стали. Музей открылся но без одного раздела. Там, где должна быть тема «Маяковский и современность», у нас пауза, пустота — ни одного экспоната.

— Между тем посетителю литературного музея именно современный раздел кажется самым простым, пусть и не слишком увлекательным.

— Потому что обычно срывает стереотип, выбирают путь наименьшего сопротивления. Показывают книги с автографами, новые работы художников возможно, переводы на другие языки. Но разве этот обязательный набор отражает реальное положение Маяковского в сегодняшней духовной жизни? Да, есть огромное количество изданий переводов, иллюстраций. Но статистика показывает, что из десяти тысяч московских школьников только двое пишут сочинение «по Маяковскому»; судя по недавнему опросу студентов Литинститута, никто из молодых поэтов не хотел бы показать свои стихи Маяковскому, посоветоваться с ним. Вот и получается, что, выставляя весь этот парад изданий музей вводит посетителя в заблуждение. На самом деле книги не читаются или читаются плохо, а результат — Маяковского не знают.

Думаю, многие споры вокруг этого имени вызваны элементарным невежеством. Размахивают вырванными из контекста строчками, заменяют в угоду новым построениям и выдают это за «современное прочтение». Кстати, об изданиях. На юбилейной международной конференции которая проходила в Сорбонне в июне, Бенгт Янгфельд сообщил такой интересный факт: ни один современный шведский поэт не может сравниться с Маяковским по количеству изданий. А в этой стране тираж находится в прямой зависимости от спроса.

— Что же должно было заполнить вынужденную паузу музейной экспозиции?

— Второе действие «Клопа», те картины, где происходит размораживание обывателя через пятьдесят лет, от чего так настойчиво предостерегал Маяковский. У него события происходят в 1979 году, и Присыпкин в новом, светлом будущем уготована роль экспоната зоологического сада, некоего «homo vulgaris». Но мы-то жили в 79-м, это наше время, и мы понимаем, что опасения поэта оправдались, желание спокойно просуществовать, забыть о высоких порывах и идеалах победил. Выходит, сатира метит в большинство нашего общества? Окрики были столь ожесточенными, что мы решили перенести разговор на юбилейную выставку. Ведь вопрос о том, кто же мы сегодня, продолжается мы. Присыпкин или все-таки Велосипедкина из «Бани», — этот вопрос остается.

— Много воды утекло за эти три года. Но, оказывается, у партийных запретителей есть достойные потомки...

— По правде говоря, не знаю, кто конкретно исполняет эту миссию. Но высказать свою авторскую позицию, если она не совпадает с неким тоже не очень ясным мнением, все так же трудно. Мы-то считаем, что разговор о Маяковском и современности в Политехническом музее должен был бы быть еще более откровенным, чем тот, не состоявшийся на «Клопе». Возможно, смущает подзаголовок выставки — «Роясь в сегодняшнем окаменевшем дерьме». А что поделаешь, коли поэт уже в незавершенной поэме «Во весь голос» предвидел, во что превратится его эпоха? Мы захотели не просто вспомнить о нем, но еще и освободить от уродливых напластований времени, от всего того, что душило его и что мешало жить нам теперь. Для такого разговора нужна выставка не академи-

наконец, 13-й подвиг — прорыв через смерть к жизни. Поскольку все на свете начинается с любви, и здесь «не смоют любовь ни ссоры, ни версты». Отношение Маяковского к Лиле Юрьевне Брик — факт, от которого нельзя отвернуться, и строки, рожденные этой любовью, из русской и мировой поэзии тоже не выкинуть.

Он сам признавался, что «много всяких грязных ракушек налипает нам на бока». Пластическое решение выставки повторяет решетку канализации, которая пропускает мусор и ракушки, а чистое золото выдает в багаж посетителю. Но, проходя по этому очистительному коридору, он должен будет и на себя самого посмотреть. Сверить масштаб своей личности — достаточен ли, чтобы сбрасывать Маяковского с парохода современ-

но странное впечатление. В ней отсутствуют описи документов и по крайней мере два важнейших из них. Впервые, данные медэкспертизы. Достоверно известно, что вскрытие проводилось, притом дважды: 14 апреля на квартире в Гендриковом и на следующий день, 15-го, в Доме писателей. В следственном деле ни то, ни другое не представлено. Не меньшее удивление вызывает и протокол, составленный в первый же час после гибели Маяковского здесь, в комнате на Лубянке.

Не было сделано ни фиксирующих снимков, ни обследования пули. Более того, в акте сказано, что для фотографирования тело с пола перенесли на диван. Не нужно быть криминалистом, чтобы оценить необычность поведения профессионалов. Или они были настолько уверены в том, что это имен-

тановить действие. Повторюсь: сегодня однозначный ответ на эту страшную загадку еще невозможен. Недостаточно фактов. С другой стороны, слишком много самых разных обстоятельств соединилось в тот год. И одной из главных причин выстрела на Лубянке, несомненно, было то, что реальная жизнь не совпала с тем идеалом революции и государства который жил в душе поэта создавшего «октябрьскую» поэму. В 1928-м кричать «хорошо!» стало уже невозможно. К тому же будучи очень чутким и легко ранимым, Маяковский почувствовал равнодушие окружающих к его работе. А это хуже скандала. Отсюда и запись в автобиографии — «Пишу поэму «Плохо»».

— Есть ли шансы найти хотя бы фрагменты этого произведения? Гипотеза о существовании поэмы высказывалась в прессе.

— Эти поиски, пожалуй, не имеют смысла, потому что поэмы с таким названием не было. «Плохо» — это полтора последних года жизни Маяковского, когда, осматрившись вокруг после октябрьского юбилея, он увидел, как легко народ расстается с идеалами революции, как доверчиво одобряет все, что предлагают новые власти: «Нам с тобою думать неча, если думают вожди». Он видит размораживание обывателя в человеке не только внизу, но и в партийной верхушке. Он пытается предостеречь современников циклом стихов «О дряни», «Клопом», «Баней». Все это и есть его «Плохо» с последним выкриком, адресованным уже будущему, «уважаемым товарищам потомкам». Вступление к поэме «Во весь голос» — это попытка прорваться сквозь время и хотя бы там, когда-нибудь быть понятым своей страной.

— Несмотря на пессимизм статистики, товарищам потомкам все же случается услышать и понять поэта. По-моему, это подтверждает и проходивший недавно в музее Маяковского кинофестиваль с таким хорошим названием — «Страна Люблинская».

— Представитель Новой капризской школы Эджидио Гуйдубальди предложивший нам этот фестиваль считает Маяковского одним из самых ярких продолжателей идей развития человеческой цивилизации высказанных в «Божественной комедии». И в Данте и в нашего поэта любовь — сердце всего. Любовь — это то чего так не хватало Маяковскому: «Свое земное не дожил: на земле свое не долюбил». Но ему верилось, что в людей будущего достанет любви понять и принять его боль. Впрочем, это понимание он переносил в ХХХ век, предлагая оппонентам зайти через 1000 лет. Может, так и будет?

Обрутанная три года назад, с трудом пробившаяся к зрителю экспозиция музея за это время стала предметом обстоятельных исследований специалистов разных стран. Вышедшая в США солидная монография «Современный русский дизайн» целый раздел посвятила экспозиции этого музея и работе художника Евгения Амаспюра. Свежий номер итальянского журнала «Abitare» целиком посвящен двум из множества музеев мира: музею Диего Риверы и музею Владимира Маяковского. Не повторится ли то же самое с новой работой авторского коллектива? Тернии у себя дома, интерес и успех в мире. А пока проект выставки, рассчитанный на помещения Политехнического музея, подлежит перделке. Где и когда она откроется, неизвестно. Современная тема и на этот раз оказалась самой трудной.

Марина РУБАНЦЕВА.

КОГДА-НИБУДЬ, ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧУ ЛЕТ

Столетие «лучшего и талантливейшего» поэта советской эпохи вызвало некоторое замешательство: сама эпоха списана в архив. Кажется, «пепел, песок и дым» юбилея Маяков-

скому на этот раз не грозят. Наш корреспондент встретился с директором Государственного музея В. В. Маяковского Светланой СТРИЖНЕВОЙ.

ности? Смотреться в зеркало не всегда приятно, особенно сегодня. Отсюда и сомнения: как примут? Так ли поймут? А может совсем другая выставка нужна?

— Говоря о последнем, 13-м подвиге, авторы выставки, вероятно, дают свою трактовку трагических событий? В некоторых предюбилейных публикациях тайна ухода Маяковского из жизни предстает практически разгаданной...

— Появление новых трактовок и версий вызвано открытием архивных материалов, в первую очередь, конечно следственного дела о самоубийстве. Мы давно пытались получить его из архива ЦК КПСС, ныне — президентского. Но до августа 91-го все мои обращения туда результата не имели. Помню, при последнем телефонном разговоре Виктор Болдин так и сказал: рады бы помочь, да не можем, нет таких материалов. Разумеется, он заблуждался. Материалы и сейчас там находятся в архиве Ежова: музею выданы только копии, тем не менее спасибо и на этом. Однако картонная папка, именуемая «следственным делом...», производит доволь-

но самоубийство? И все равно, откуда такая небрежность? В протоколе зафиксировано что у ног покойного лежат маузер, из которого произведен выстрел. А сфотографировали оружие почему-то на столе, и не маузер — браунинг. В общем-то все это достаточно грустно, потому что последние свидетели трагедии уже ушли из жизни. Если и появятся все же недостающие документы, некому будет подтвердить чисто умозрительные рассуждения исследователей.

— Вспоминается версия Николая Асеева, который в начале 30-х в «Поэме о ГПУ» утверждал, что не сам Маяковский «нажим газетки нажал», а руку его вела «чужая рука». В современных гипотезах «чужая рука» оказалась рукой самого ГПУ. Так ли было?

— Но у нас нет достаточных оснований предполагать, как это делает Валентин Скорятин что Маяковский убили. В то воскресенье все жильцы квартиры номер 12 были дома и их показания сходятся: в комнату Маяковского никто не заходил инкассатор из издательства имел дело с соседкой, поскольку Владимир Владимирович в это время был занят разговором с Подонской.

Да, Маяковский общался с чекистами, дружил с Горожаниным. Какие-то «белые» или, напротив, темные пятна, наверное, откроет и архив Агранова, если, конечно, когда-нибудь его обнаружат. Но пока слишком многое в этом деле остается неясным. Разумеется, никому не возбраняется иметь собственную трактовку, но зачем же представлять ее истиной в последней инстанции? Обидно, что одна из самых страшных трагедий века отлана на откуп моде, настроенного момента. Там, где необходимо скрупулезное расследование, спешат дать однозначный сенсационный ответ. Вроде того, что мысль о самоубийстве автору «Бани» внушили чуть ли не под гипнозом: в отместку за Победоносикова в котором Сталин якобы узнал себя.

— Такое исключено?

— Отчего же? Может быть, и узнал. Не случайно еще до премьеры «Бани» вышла разгромная статья Ермилова. Но скорее не сам Сталин уловил сходство, а его окружение, тот же Ермилов. Узнал и решил сразу же ос-

Маяковский В. В.

16.07.93